
ОБРАЗОВАНИЕ СССР И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ МИРОМ
(1922—1923 гг.)

В ряду важнейших причин, обусловивших слияние советских республик в единое многонациональное социалистическое государство, была и необходимость их сплочения в области внешнеполитических и внешнеэкономических отношений с капиталистическим миром.

Подлинного единства действий в рамках ограниченных соглашений о военно-экономических союзах между РСФСР и другими советскими республиками добиться было чрезвычайно трудно, тем более что империалистические державы Запада стремились использовать малейшую возможность для внедрения на рынки тех республик, где иностранный капитал имел сколько-нибудь прочные позиции до революции, и надеялись создать новые плацдармы для экономической и политической экспансии. В этих планах не последнюю роль играл и расчет на сепаратизм, проявляемый отдельными руководителями некоторых советских республик, не всегда осознававшими важность единого и сплоченного выступления в области внешнеэкономических связей перед лицом враждебного капиталистического окружения.

Чрезвычайно показательна в этом отношении телеграмма секретаря Кавказского бюро ЦК С. Орджоникидзе из Баку от 29 сентября 1920 г., адресованная В. И. Ленину. В ней говорилось о недопонимании некоторыми руководящими работниками Азербайджана всей важности обеспечить экспорт нефти в централизованном порядке, предоставив право вывоза исключительно органам Наркомвнешторга РСФСР. Далее в телеграмме сообщалось, что после обсуждения этого вопроса на заседании ЦК Компартии Азербайджана было принято решение, поддержанное Н. Наримановым, о том, что «в интересах усиления» советских республик на международном рынке необходимо предоставить право экспорта нефти Российской Федерации. Руководители Азербайджана согласились предоставить это право НКВТ РСФСР «на основе заключенного военно-экономического союза между Азербайджаном и Россией».¹

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 464, лл. 76—77.

Имели место и другие случаи непродуманных действий руководителей и внешнеэкономических органов некоторых других советских республик, которые серьезно ослабляли их позиции на международной арене.

В Грузии, например, без ведома ЦК РКП(б) в 1921 г. были заключены соглашения о сдаче в концессию фирме «Стандарт Ойл» батумских нефтяных резервуаров и об открытии на территории республики филиала Оттоманского банка. ЦК РКП(б) дал указание об их расторжении. Позднее В. И. Ленин в записке В. А. Смольянинову в связи с получением текста договора о новой концессии на разработку лесных участков, заключенного правительством Грузии, предложил «выяснить, соблюдено ли грузинскими товарищами условие (ведь было такое? партийное?) не заключать концессий без нашего согласия?».²

Естественно, что в рамках единого государства, внешние дела которого находились бы в ведении союзных органов, были бы полностью исключены возможности появления такого рода невыгодных для советских республик соглашений и договоров с капиталистическими странами. Понимание важности единства действий в области внешней политики и на мировом рынке большевистским руководством советских республик привело уже 22 февраля 1922 г. к заключению первого в истории существования советских республик «Соглашения о представительстве и защите Правительством РСФСР интересов Советских Республик Азербайджана, Армении, Белоруссии, Бухары, Грузии, Украины, Хорезма и Дальневосточной Республики на Генуэзской конференции». По этому соглашению, «на основании связывающих все вышеперечисленные независимые Республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой неразрывных братских и союзных связей и для наиболее действительного обеспечения на указанной конференции интересов этих Республик» РСФСР поручалось представлять на конференции и защищать интересы этих восьми республик, а также подписывать от их имени договоры и соглашения с другими странами. К соглашению было приложено заявление ВЦИК, подписанное М. И. Калининым, в котором выражалось удовлетворение этим решением и говорилось о готовности правительства РСФСР принять все меры к защите интересов этих республик.³

Совместное выступление в Генуе впервые раз продемонстрировало эффективность объединения внешнеполитических и внешнеэкономических действий советских республик как условия, благодаря которому удалось обеспечить защиту их интересов на международной арене и повысить способность противостоять натиску враждебного капиталистического окружения.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 154.

³ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, стр. 110—112.

Вместе с тем оно свидетельствовало о необходимости от временных соглашений в этой области, каким было соглашение «о дипломатическом единстве», переходить к постоянному осуществлению внешних функций всех советских республик как единой, цельной и согласованной политики на международной арене. Естественно, что это можно было сделать только после их объединения в одно союзное государство.

30 декабря 1922 г. Первый съезд Советов СССР принял решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Объединение всех советских республик в единый союз означало укрепление социалистического государства в политическом, военном, хозяйственном отношениях и позволяло Советскому правительству с еще более прочных позиций отстаивать свои интересы и принципы на международной арене. Согласно Договору об образовании СССР, в ведение его верховных органов передавались все функции, связанные с внешними политико-экономическими отношениями: представительство Союза ССР в международных делах, объявление войны и заключение мира, заключение займов и концессионных договоров, установление системы внешней торговли, законодательство в отношении прав иностранцев и т. д.⁴ Образование СССР способствовало и более быстрому возрождению экономики страны.

В 1923 г. был сделан большой шаг в области восстановления народного хозяйства страны. Индекс объема продукции ценовой промышленности СССР составил по сравнению с довоенным 1913 г. уже 39,1%, превысив уровень 1920 г. почти в 3 раза.⁵ Еще больших успехов добилось сельское хозяйство. Посевные площади в 1923 г. достигали 91,7 млн га (против 77,7 млн га в голодном 1922 г.) и составили свыше 87% довоенного уровня, а сбор зерновых в этом же году был приблизительно равен 70% среднегодовых валовых сборов 1909—1913 гг.⁶ Значительно улучшилось положение транспорта, который к концу гражданской войны был на грани полного развала.

Объединение всех советских республик в Союз ССР вызвало существенную перестройку органов внешнеэкономических сношений, направленную на централизацию внешнеторговых операций, концессионного дела, представительства интересов союзных промышленности на мировом рынке. До образования СССР некоторые советские республики имели собственные торговые представительства за рубежом и осуществляли самостоятельные

⁴ 1-й съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. М., 1922, стр. 8.

⁵ СССР и капиталистические страны. Статистический сборник технико-экономических показателей народного хозяйства СССР и капиталистических стран за 1913—1937 гг. М.—Л., 1939, стр. 127.

⁶ См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М., 1956, стр. 133—134.

операции. В первую очередь это касалось Украины и Закавказской Федерации.

Примерно со второй половины 1921 г. стали создаваться торговые представительства Украины в Германии, Польше, Чехословакии, Австрии, Италии и др. Торговый оборот этих представительств Украины был крайне невелик по отношению даже к весьма скромному экспорту и импорту РСФСР этого времени. Разрозненность действий не лучшим образом сказывалась на условиях сделок, заключаемых советскими торговыми работниками за рубежом. Поэтому в Берлине представительства РСФСР и УССР объединили свои усилия, создав единый экспортный аппарат. Кроме того, уже в 1922 г. подавляющее большинство заграничных товаров Украина получала через Российскую Федерацию согласно постановлению СТО о распределении общероссийского импорта.⁷ Иными словами, координация и централизация внешней торговли этих советских республик стали назревшей задачей еще до образования СССР. Подобным же образом обстояло дело и в области внешней торговли Закавказской Федерации. Здесь в 1922 г. сложился в известной степени двойственный внешнеторговый аппарат, было два органа внешней торговли. Один из них — Управление уполномоченного НКВТ РСФСР в Закавказье — осуществлял работу по заданию Москвы, сосредоточив, в частности, в своих руках регулирование всех операций нефтепродуктами, другой — Внешторг Закавказья — вел главным образом мелкие экспортно-импортные операции и имел торговых представителей при торгпредствах РСФСР в Риме и Константинополе. Единство было достигнуто в 1922 г. только в области таможенного дела. В силу особых исторических условий, связанных с более поздней победой Советской власти в Закавказье, здесь еще не действовал в полном объеме принцип монополии внешней торговли, а преобладала частная внешняя торговля, доля же Закавказского внешнеторгового оборота Федерации не превышала в 1922 г. 10 % экспорта и 3,5 % импорта.⁸

После образования СССР и создания объединенного Наркомвнешторга произошло слияние всех советских торговых представительств за рубежом. В целях же максимального учета интересов союзных республик и ряда районов страны был создан институт уполномоченных НКВТ при совнаркомовских республик, организована система местных органов Наркомвнешторга.⁹ Новая структура не исключала в отдельных случаях прямого представительства союзных республик там, где это было необходимо.

⁷ См.: Торговая газета, 1922, 31 марта; Внешняя торговля, 1922, № 1, стр. 9—11; № 19, стр. 9—10.

⁸ См.: Внешняя торговля, 1922, № 4, стр. 4—7; 1923, № 26, стр. 19; 1925, № 28, стр. 13.

⁹ Положение о НКВТ СССР от 13 ноября 1923 г. М., 1924.

Так, Укрвнешгосторг сохранил свои ячейки в Лондоне и Берлине.¹⁰ Проведенные организационные меры значительно укрепили внешнеторговый аппарат СССР. К маю 1923 г. он насчитывал около 5 тыс. сотрудников, из которых в центральном аппарате было занято 980 человек, на местах — 1453, в пятнадцати заграничных торговых представительствах — 1517. Самыми крупными из них были торгпредства в Германии (600 человек) и Англии (500 человек).¹¹ Таким образом, была достигнута полная централизация внешней торговли, обеспечено проведение единой торговой политики всех советских республик на мировом рынке.

В этот же период была осуществлена и реорганизация органов, занятых рассмотрением концессионных вопросов. Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1923 г. и затем постановлением СНК СССР от 21 августа 1923 г. был учрежден Главный концессионный комитет при Совнаркоме СССР. В его компетенцию и входили все переговоры о концессиях, а также контроль за исполнением заключенных договоров.¹² Для предварительного рассмотрения предложений на концессии в 1923 г. были созданы концессионные комиссии при Берлинском и Лондонском торгпредствах.¹³ Наконец, в 1923 г. постановлением СТО было разрешено право операций (импортных, экспортных или тех и других) на внешних рынках строго ограниченному числу государственных предприятий или их объединений. В их числе были Нефтесиндикат, Лесозэкспортное бюро, Госторг, Льноцентр, Хлебопродукт, Текстильный синдикат и др.¹⁴ Благодаря этому обеспечивалось монопольное выступление на внешнем рынке в качестве продавцов или импортеров различных категорий товаров их главных производителей или потребителей — предприятий отечественной промышленности — и тем самым создавались лучшие условия сделок, контроль за качеством продукции и т. д.

Образование Союза ССР (перестройка органов внешнеэкономических сношений) и постепенное восстановление народного хозяйства самым благоприятным образом сказались на внешней торговле Советского государства, значительно увеличив ее экспортные возможности. Достаточно отметить, что экспорт СССР в 1923 г. составил (по стоимости) 218 млн золотых рублей, превысив вывоз 1922 г. более чем в 2,6 раза. Впервые за весь пе-

¹⁰ Внешняя торговля, 1924, № 1, стр. 22.

¹¹ Торгово-промышленная газета, 1923, 17 мая.

¹² СУ РСФСР, 1923, № 20, ст. 246; Документы внешней политики СССР. Т. VI. М., 1961, стр. 413—416.

¹³ Отчет о деятельности ВЦИК X созыва за 1923 год. М., 1924, стр. 24—25.

¹⁴ А. Ляхов. Внешняя торговля по действующему праву Советской России. М., 1923, стр. 101—102.

риод существования Советской власти внешняя торговля в 1923 г. стала характеризоваться активным балансом.¹⁵ Образование СССР и связанное с ним политическое и хозяйственное укрепление страны сыграли также решающую роль в преодолении того кризиса в экономических отношениях с капиталистическим миром, который выявился на рубеже 1922—1923 гг. Этот кризис был вызван недовольством западных держав твердой позицией советской делегации в Генуе и Гааге, отклонением договора о концессии с Л. Уркாரтом,¹⁶ которые показали беспочвенность расчетов империалистических кругов на возможность эксплуатации народного хозяйства советских республик на полуколониальных принципах.

Проявлением «экономического разочарования» или охлаждения Запада к идее хозяйственного общения с Советской Россией были многочисленные выступления буржуазной печати, доказывавшей невозможность после Генуи и Гааги иметь дело с «советами», затруднения в отношениях Советского государства с деловым миром и правительствами ряда стран и, наконец, использование империалистическими кругами острейших форм торгово-политического бойкота Советского государства.

Уже в то время, когда выявилась тщетность попыток капиталистических экспертов в Гааге навязать Советской России кабальные условия соглашения, одна из французских газет была вынуждена констатировать провал тактики «экономического проникновения» капиталистических монополий в СССР. «После фиаско Генуи, — говорилось в ней, — следует фиаско в Гааге. И то и другое стало неизбежным».¹⁷ Отклонение концессии Уркарта лишь подлило масла в огонь, раздуваемый буржуазной прессой с целью доказать невозможность в сложившейся обстановке вести экономические дела с Советским государством. Этому немало способствовал и сам Уркарт, который заявил, что Советское правительство дает «новый повод деловым людям всего мира смотреть на Россию как на страну совершенно безнадежную со стороны эксплуатации промышленности и помещения капитала», и угрожал, что «ни один грош британского капитала» не попадет в Россию, пока «мой договор не будет ратифицирован».¹⁸ Его позицию разделяли английская консервативная печать и в значительной мере пресса других капиталистических стран. Так, «Морнинг пост» писала, что отклонение концессии Уркарта «делает

¹⁵ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. Статистический обзор. М., 1960, стр. 14.

¹⁶ Подробнее см. нашу работу: В. И. Ленин и концессии Лесли Уркарта. — В кн.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. М., 1970, стр. 336—347.

¹⁷ Journal des Débats, 14 VII 1922. Речь в статье идет о надеждах капиталистического мира на перерождение Советов в условиях нэпа.

¹⁸ Manchester Guardian, 11 X 1922.

очевидным полную невозможность заключения прочных договоров с ныне существующим Советским правительством». ¹⁹ Ей вторила американская «Чикаго дейли трибюн», которая следующим образом комментировала уркартовский эпизод: «Этим актом Россия взяла обратно свое решение возобновить коммерческие сношения с внешним миром». ²⁰

Однако дело не ограничилось газетной шумихой. Очень скоро советские внешнеторговые организации стали ощущать проявления «экономического разочарования» партнеров по торговле в своей практической работе. Заметно сказалось оно и на позиции политических кругов ряда государств по вопросу о нормализации торговых отношений с Советской Россией. В отчете лондонского «Аркоса» (1923 г.) отмечалось, например: «Симпатия и благоприятное отношение к РСФСР, возникшие в английских торгово-промышленных кругах, в период, когда они рассчитывали на осуществление „уркартовского договора“, стали значительно изменяться после выяснения, что договор этот не будет ратифицирован... Общее недоверие к русским делам, и в частности к Аркосу, сказывается в том, что многие фирмы, которые раньше работали с Россией и проявляли за последнее время большое желание возобновить эту работу, стали при разговорах о кредитах уклоняться от прямых ответов или соглашались давать товар в кредит при условии обеспечения этого кредита каким-либо товаром». ²¹

В этот период осложнились экономические отношения Советского государства с целым рядом европейских государств: Германией, Италией, Швецией, Чехословакией. ²²

Однако наиболее острыми формами проявления кризиса в экономических отношениях между капиталистическим миром и Советским государством в этот период были так называемая нефтяная блокада и «британский ультиматум», который во многом был вызван также недовольством английской буржуазии состоянием ее хозяйственных отношений с СССР.

Преодоление этого кризиса, прорыв «нефтяной блокады» и урегулирование экономических отношений с Великобританией стали возможными благодаря укреплению позиции Советского государства на международной арене, связанному с образованием СССР, и вследствие использования советской дипломатией

¹⁹ Morning Post, 10 X 1922.

²⁰ Chicago Daily Tribune, 9 X 1922.

²¹ ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1327, д. 43, лл. 123—124. «Аркос» (All Russian Cooperative Society, Ltd) — акционерное общество, принадлежавшее СССР, которое в это время осуществляло торговые операции СССР с Англией.

²² Подробнее см. нашу работу: Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969, стр. 341—342.

и внешнеэкономическими ведомствами всех тех преимуществ, которые создавало это обстоятельство для борьбы за интересы своей многонациональной Родины. Остановимся подробнее на этих событиях, которые явились важнейшим испытанием для внешнеэкономической политики Советского государства в период его становления как Союза Советских Социалистических Республик.

Отказ советской делегации в Генуе и Гааге согласиться на восстановление в правах собственности бывших владельцев иностранных предприятий в России, а также беспокойство в связи с постепенным восстановлением советской нефтяной промышленности (а следовательно, и нефтеэкспорта) явились главными причинами организации осенью 1923 г. империалистическими монополиями Запада нефтяной блокады Советского государства. Ее предыстория вкратце такова.

В 1917—1920 гг. капиталистический мир стремился покончить с Советской властью силой оружия, и в этот период принимались неоднократные попытки ряда капиталистических стран, прежде всего Англии, утвердить свое господство в нефтяных районах Баку, Грозного и т. д. Вместе с тем, пользуясь положением бывших русских владельцев нефтяных предприятий, крупнейшие нефтяные монополии Запада стали скупать акции некоторых российских обществ. Так, англо-голландский трест «Ройял Датч-Шелл», который до революции играл видную роль в разработке нефтяных месторождений Грозного, Каспия и Закавказья, округлил свои «владения», присоединив к ним благодаря покупке акций некоторые предприятия Манташева, Лианозова, Питоева и других русских капиталистов. В свою очередь американский нефтяной трест «Стандард Ойл» завладел половиной бывшей собственности крупнейшей нефтяной компании до-reволюционной России — «Бр. Нобель», а франко-бельгийские объединения приобрели «права» на бывшие владения Чермоева.²³ До поры до времени старые и новые «владельцы» не обращали серьезного внимания на Советское правительство, полагая, что возврат их собственности будет обеспечен военными средствами. С начала 1921 г., когда стало ясно, что все попытки уничтожить Советскую власть не удалась и она прочно контролирует положение в главных нефтедобывающих районах, западные монополии переходят к тактике сепаратных переговоров с Советским правительством, надеясь вернуть бывшую собственность, а в случае удачи обойти своих конкурентов и приобрести монопольное положение в области добычи и экспорта русской нефти. Уже в мае 1920 г. представитель американской компании

²³ См.: М. Брукс. Нефть и внешняя политика. М., 1949, стр. 149—150; ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 11, д. 6, л. 27; Papers relating to the foreign relations of the United States. 1922. Washington, 1938, vol. II, p. 773—774. Далее — Foreign relations.

«Стандард Ойл» в беседе с Л. Б. Красиным в Лондоне зондировал почву относительно закупки русских нефтепродуктов из Баку. В сообщении об этой беседе Л. Б. Красин отмечает явное желание «Стандард Ойл» «подложить свинью Англии в этом деле».²⁴ В январе 1922 г. Л. Б. Красин встретился с генеральным консулом США в Лондоне Скиннером и руководителями «Стандард Ойл». На совещаниях обсуждался вопрос о предоставлении американцам нефтяных концессий в Советской России.²⁵ Со своей стороны трест «Ройял Датч-Шелл» уже в начале 1921 г. внес в ВСНХ предложение о предоставлении ему права на экспорт нефтепродуктов из Советской России и эксплуатацию нефтяных месторождений. Предложение обсуждалось Президиумом ВСНХ и Совнаркомом.²⁶ Заключение англо-советского соглашения 16 марта 1921 г. натолкнуло руководителя «Ройял Датч-Шелл» Генри Детердинга на мысль попытаться в той или иной форме вернуть свою бывшую собственность в России. Его планы встретили полную поддержку английского правительства. 19 октября 1921 г. Форин Оффис направил Л. Б. Красину письмо о желании группы получить концессию на ее бывшие предприятия. Заявляя о своем полном одобрении и поддержке этого проекта, Форин Оффис выразил надежду, что «переговоры в ближайшее время приведут к удовлетворительному соглашению».²⁷ Вскоре представитель группы «Шелл» полковник Бойль предпринял поездку в Баку и затем вступил в длительные переговоры с Л. Б. Красиным, которые ко времени Генуэзской конференции привели уже к той стадии, когда группа «Шелл» внесла свой проект предстоящего соглашения.²⁸

Просочившиеся в печать сведения о якобы уже имевшем место соглашении между «Ройял Датч-Шелл» и Советским правительством²⁹ вызвали бурную реакцию со стороны руководителей «Стандард Ойл» и Государственного департамента, опасавшихся, что концессия нанесет ущерб американским притязаниям на участие в русских нефтяных делах, ослабит их требования полной реституции (восстановление в правах) иностранной собственности и даст «Ройял Датч-Шелл» монополию в этой области. Со 2 по 14 мая 1922 г. этот вопрос занимает видное

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958, стр. 552.

²⁵ Foreign relations. . ., 1922, vol. II, p. 773—774; H. O'Connor. World crisis in oil. N. Y., 1962, p. 82.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 408, лл. 6, 57—58.

²⁷ L. Fischer. The Soviets in world affairs. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world 1917—1929. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1951, p. 324.

²⁸ Ibid., p. 325.

²⁹ Л. Б. Красин официально опроверг сообщения буржуазной печати о подписании договора между РСФСР и «Ройял Датч-Шелл» (см.: Известия, 1922, 9 мая).

место в деятельности Госдепартамента, выражением чего были переписка государственного секретаря Юза с наблюдателем США на Генуэзской конференции послом в Италии Чайлдом, встреча Юза 4 мая с руководителем «Стандард Ойл» Бэдфордом, составление меморандума об интересах США в русской нефтяной промышленности.³⁰ Отметив в ряде телеграмм Чайлду, что «огромные интересы Америки имеются во всех областях нефтяной промышленности России», Госдепартамент предписал ему предпринять энергичный демарш перед Ллойд Джорджем и главами других делегаций против возможных сепаратных соглашений по нефтяным вопросам с Советским правительством, которые затрагивали бы интересы остальных бывших собственников.³¹ Чайлд сумел объединить на основе требования полной реституции всей бывшей иностранной собственности в России (в том числе и в области нефтедобычи) делегатов Франции и Бельгии.³² Последние отражали настроения франко-бельгийских нефтяных групп, также выступавших за возврат бывших нефтяных предприятий иностранным владельцам в полном объеме.³³ Эта закулисная деятельность американского империализма на Генуэзской конференции,³⁴ стремившегося с помощью Франции и Бельгии парализовать любые попытки своих конкурентов отказать от требования реституции и вступить в сепаратные соглашения по нефтяным делам с Советским правительством, и была одной из причин организации «нефтяной блокады» РСФСР. Другой причиной являлись серьезные опасения всех империалистических нефтяных группировок лишиться каких-либо надежд на возврат бывшей собственности в связи с возрождением нефтяной промышленности Советской России и ее нефтеэкспорта. С 1921 г. начинается неуклонный рост производства нефти во всех основных нефтедобывающих районах страны.³⁵ При этом уже в 1921 г. добыча нефти составила около половины довоенного уровня, в 1922 г. — около 55%, а в 1923 г., после образования СССР, примерно две трети.³⁶ В 1923 г. Советский Союз вышел на 3-е место в мире по добыче нефти, значительно опередив в этом отношении такие страны, как Румыния и Иран,

³⁰ См.: Foreign relations..., 1922, vol. II, p. 772—791.

³¹ Ibid., p. 774—776.

³² Ibid., p. 788—805.

³³ См.: Le Temps, 12, 23 VII 1922.

³⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М., 1953, стр. 310—318; В. Ф. Лопатин. Провал антисоветских планов США. Генуя—Гаага, 1922. М., 1963, стр. 205—209.

³⁵ В 1920/21 хозяйственном году (октябрь 1920—октябрь 1921 гг.) было добыто 232 млн пудов нефти, в 1921/22 — 276 млн, в 1922/23 — 315 млн, в 1923/24 — 362 млн пудов (см.: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Статистический справочник. М., 1925, стр. 442—443).

³⁶ Там же, стр. 741.

и уступая лишь США и Мексике.³⁷ Вместе с восстановлением нефтяной промышленности стал возрождаться экспорт русских нефтепродуктов. Первые партии советских нефтепродуктов, появившиеся на мировом рынке осенью 1921 г.,³⁸ еще не вызвали особых волнений у нефтяных монополий Запада. Не принимая всерьез Советское государство как экспортера нефтепродуктов, они пытались лишь нажиться на этих случайных, как им казалось, запородах, предлагая смехотворно низкие цены, доходившие до 60% тогдашних мировых цен, и требуя всевозможных дополнительных гарантий по транспортировке, погрузке, своевременному выполнению контракта и т. д.³⁹ Между тем советский нефтеекспорт постепенно развивался. В марте 1922 г. Всероссийский нефтяной синдикат (Нефтесиндикат), НКВТ и тресты основных добывающих районов учредили акционерное общество по сбыту нефти на внешних рынках — «Нафтэкспорт».⁴⁰ «Нафтэкспорт» создал в Берлине специальное представительство, занявшееся реализацией нефтепродуктов в Германии, Англии, Бельгии, Голландии и установившее первые контакты с нефтеимпортерами Италии и Скандинавии.⁴¹ В октябре 1922 г. все права реализации нефтепродуктов на внешних рынках были переданы непосредственно Нефтесиндикату, который после образования СССР стал общесоюзным производителем и экспортером этого сырья и арендовал инсталляции для хранения нефти в Германии, Латвии, Эстонии и Бельгии.⁴² В результате успешного восстановления нефтяной промышленности и проведенных организационных мер советский нефтеекспорт резко возрос: в 1921/22 хозяйственном году были вывезены первые 52 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов (примерно 5% нефтеекспорта 1913 г.), в 1922/23 — более 84 тыс. тонн (9% от уровня 1913 г.) и в 1923/24 хозяйственном году уже свыше 711 тыс. тонн (75% довоенного вывоза).⁴³ Успехи советской нефтяной промышленности вызвали у нефтяных монополий Запада и русских эмигрантов-нефтепромышленников тревогу за судьбу бывшей собственности, поскольку ее полное восстановление ставило под вопрос не только получение прежних владений на принципах реституции, но и даже на концессионных началах. Вместе с тем рост нефтеекспорта Советского государства неожиданно выдвигал

³⁷ Там же.

³⁸ Известия, 1921, 7 сентября.

³⁹ См.: Доклад о деятельности Главного представительства Нафтэкспорта за границей от 16 октября 1922 г. ЦГАНХ, ф. 2309 (Нефтяной торговый синдикат Союза ССР), оп. 1, д. 37, лл. 36—37.

⁴⁰ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 71, лл. 52—53.

⁴¹ Там же, оп. 18, д. 28, л. 71.

⁴² ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 1, д. 31, л. 19; оп. 12, д. 27, л. 20; ф. 4372, оп. 11, д. 15, л. 71; Экономическая жизнь, 1923, 16 марта.

⁴³ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М. 1960, стр. 45, 67.

нул на мировой рынок нового, весьма нежелательного конкурента империалистических нефтяных трестов.⁴⁴

Гагская конференция, в ходе которой советская делегация не только вновь отвергла требование реституции бывшей собственности, но и предложила концессионный план, объекты которого отнюдь не всегда совпадали с интересами претендентов на русские нефтеносные земли, заставила империалистические группировки спешить с организацией «нефтяной блокады» Советского государства. 21 июля 1922 г. в Лондоне состоялась встреча представителей большой нефтяной «тройки» — Тигла («Стандард Ойл»), Генри Детердинга («Ройял Датч-Шелл») и Густава Нобеля («Бр. Нобель»). Участники совещания пришли к соглашению о необходимости создать «единый нефтяной фронт» против большевиков.⁴⁵

В составленном Тиглом так называемом «Лондонском меморандуме» три нефтяных треста обязывались в любых переговорах с Москвой по нефтяным делам требовать реституции бывшей собственности с возмещением за убытки, причиненные после национализации их предприятий, или полной компенсации за нее. Каждый из участников соглашения не мог начать такого рода переговоры, не поставив в известность об этом остальных.⁴⁶ В сентябре 1922 г. единый нефтяной фронт империалистических группировок был оформлен окончательно. По инициативе группы «Ройял Датч-Шелл» и общества «Бр. Нобель» 19 сентября в Париже под председательством Генри Детердинга состоялась конференция представителей 18 английских, французских, русских, бельгийских и других обществ, заинтересованных в нефтяных делах России. Собравшиеся заявили, что «они образуют единый фронт для защиты прав и интересов» русской нефтяной промышленности и по предложению Детердинга приняли резолюцию, составленную на основе «Лондонского меморандума».⁴⁷

Некоторое время спустя (по данным Нефтесиндиката, в ноябре—декабре 1922 г.) на новом совещании участников «единого фронта» было выдвинуто предложение о полном бойкоте советского нефтеэкспорта и всяких сделок в этой области. Представители «Стандард-Ойл» и «Ройял Датч-Шелл» в этом совещании участия не принимали, в связи с чем было решено просить их присоединиться к объявленному бойкоту.⁴⁸ По мне-

⁴⁴ Нефтеэкспортные возможности СССР возрастали в этот период бурными темпами также в связи с тем, что внутреннее потребление было гораздо ниже, чем в развитых капиталистических странах (восстановление, а тем более строительство социалистической промышленности в начальной стадии неба только еще начинались).

⁴⁵ Н. О'Сонпог. World crisis in oil, p. 82.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ См.: В. А. Шишкин. Советское государство и страны Запада, стр. 344.

⁴⁸ См.: Правда, 1923, 8 февраля; ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 11, д. 15, л. 150.

нию работников Нефтьесиндиката, бойкот советского нефтеэкспорта был объявлен с молчаливого одобрения обоих нефтяных трестов, поскольку он устранял с мирового рынка растущего конкурента и позволял «Стандарду» и «Шеллу» не только диктовать условия продажи нефтепродуктов Советской России, но и при лучшем исходе добиться кабального соглашения с нею в области эксплуатации русской нефтяной промышленности.⁴⁹ Любопытные сведения о реакции «Ройял Датч-Шелл» на предложение присоединиться к бойкоту советского нефтеэкспорта приводила консервативная английская газета «Таймс». По мнению ее обозревателя, Детердинг не считал, что резолюция 19 сентября 1922 г. запрещает «Шеллу» закупать русские нефтепродукты. Вместе с тем он, по-видимому, был согласен с тактикой бойкота, поскольку она исходила от других фирм и не задевала интересов его треста. На обращение «единого фронта» в конце 1922 г. присоединиться к бойкоту он заявил, что «Ройял Датч-Шелл» в настоящее время не покупает нефтепродуктов в России и что он собирается убедить «Стандард Ойл» одобрить этот курс.⁵⁰

На первых порах «нефтяная блокада» и бойкот советского нефтеэкспорта проводились довольно последовательно. Советские внешнеторговые организации пачали испытывать затруднения со сбытом нефтепродуктов в целом ряде государств.⁵¹ Внезапно расстроилась уже согласованная крупная сделка со «Стандардом» о закупке последним большой партии бензина и смазочных масел у Нефтьесиндиката. Накануне подписания контракта представитель «Стандард Ойл» прислал письмо в берлинскую контору Нефтьесиндиката, где говорилось, что «его американские доверители потеряли временный интерес к русским нефтепродуктам и поэтому дальнейшие переговоры считаются американцами излишними». ⁵² В свою очередь «Ройял Датч-Шелл» неожиданно прекратил близкие к завершению переговоры в Лондоне о закупке 100 тысяч тонн керосина у Нефтьесиндиката.⁵³

Однако очень скоро внутренние противоречия нефтяных монополий Запада, а также активная и умелая нефтеэкспортная политика Советского Союза привели к прорыву «нефтяной блокады» и краху политики бойкота советских нефтепродуктов. В сентябре 1922 г. трест «Азнефть» заключил концессионный договор с американской Барнсдальской корпорацией на разведку

⁴⁹ См.: Правда, 1923, 11 апреля.

⁵⁰ Times, 4 V 1923.

⁵¹ ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 3, д. 37, л. 62; д. 71, л. 65.

⁵² Доклад члена правления Нефтьесиндиката Б. Ю. Кудиша на заседании президиума Госплана 5 мая 1923 г. (ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 11, д. 15, л. 150).

⁵³ Там же, л. 149.

и организацию эксплуатации нефтеносных земель в Советской России. Хотя договор касался тех земель, которые и прежде были собственностью государства, этим актом серьезно ослабли позиции «единого фронта», в резолюции которого от 19 сентября имелся пункт, запрещающий сепаратные соглашения о концессиях даже на государственные земли. Действия Барнсдальской корпорации вызвали серьезную озабоченность участников «единого фронта».⁵⁴

Следует отметить, что для руководителя Барнсдальской корпорации М. Дея концессия на нефтеразведку бывших государственных земель вовсе не являлась той главной целью переговоров, о которой он высказывался в печати и в ответах на запрос правительства США.⁵⁵ Действия Дея были не столь певинными, как это казалось на первый взгляд, и, по всей вероятности, за его спиной стояли более могущественные нефтяные магнаты США, пожелавшие до поры до времени оставаться в тени. Так, в письме Л. Б. Красина Г. В. Чичерину от 26 августа 1922 г. сообщалось, что М. Дей предложил передать его корпорации все лучшие нефтеносные площади вместе с нефтеперегонными заводами и нефтепроводом Баку—Батум. Эти притязания были категорически отвергнуты.⁵⁶ В феврале 1923 г. советский представитель в Англии Н. К. Клышко приводил в телеграмме Красину новое предложение М. Дея: «Он говорит, — писал Клышко, — что представляется возможным войти в соглашение с одной группой нефтепромышленников, наиболее заинтересованных раньше в наших кавказских промыслах, с тем, чтобы разбить кольцо нефтепромышленников, объявивших нам бойкот на двукратных парижских своих конференциях».⁵⁷ Хотя при этом выдвигалось условие удовлетворить эту группу в какой-либо форме за убытки от национализации, этот факт достаточно ясно показал, что центробежные силы могут развалить «единый фронт» в любой момент, когда кому-нибудь из его участников представится возможность вступить в более или менее выгодную сделку с Советским правительством.

Прочность позиции Советского правительства, его последовательная политика в нефтяном вопросе, проведение которой было возможно после образования СССР, предопределили развал «нефтяной блокады». В 1923 г. было достигнуто соглашение об эксплуатации сахалинской нефти с другой американской группой — Г. Синклера.⁵⁸ В начале марта 1923 г. «единый фронт»

⁵⁴ См.: Oil News, 7 X 1922.

⁵⁵ См.: Papers relating to the foreign relations of the United States. 1923. Washington, 1938, vol. II, p. 809—811.

⁵⁶ ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1326, д. 70, л. 390.

⁵⁷ Там же, оп. 1327, д. 93, лл. 1—2.

⁵⁸ Foreign relations. . ., 1923, vol. II, p. 798—807, 811.

получил новый удар. В Москву прибыл представитель «Стандард Ойл» Додж для ведения переговоров.⁵⁹

На вопрос об участии «Стандард Ойл» в «едином фронте» Додж заявил корреспонденту «Известий», что ему об этом ничего не известно и что трест вполне свободен в своих действиях по отношению к Советской России и не связан никакими постановлениями. То же самое он заявил и относительно бойкота советского нефтеэкспорта.⁶⁰ Если переговоры с Доджем и не привели к практическому результату, то они достаточно убедительно показали слабость этого раздираемого взаимной конкуренцией и противоречиями империалистического объединения перед лицом единого в своей нефтяной политике Союза ССР.

Однако самый серьезный удар «нефтяная блокада» получила со стороны другого ее инициатора — Генри Детердинга. Участники «единого фронта» на заседании 26 марта 1923 г. были поставлены в известность, что «Ройял Датч-Шелл» близка к соглашению о закупке крупной партии нефтепродуктов в Советской России.⁶¹ Этот шаг Детердинга можно объяснить следующим образом. Несмотря на бойкот, представительство Нефтесиндиката СССР на внешних рынках, используя спрос и желание некоторых крупных независимых нефтеимпортных фирм в Германии, Франции, Италии и самой Англии освободиться от диктата моногосударственных мировых нефтяных монополий, довольно успешно осуществляло экспорт небольших партий нефтепродуктов.⁶² Естественно, что такие задачи были по силам только объединенным в Союз ССР республикам. Поскольку полностью прекратить советский экспорт было невозможно (тем более что Советское правительство вело переговоры в Англии с фирмой «Г. Селль» о смешанном обществе по реализации нефтепродуктов на комисионных началах), Детердинг сам решился на сделку с Нефтесиндикатом. При этом он преследовал две цели. Во-первых, путем покупки на некоторое время «сняты» Советский Союз с нефтяного рынка и, во-вторых, пользуясь «блокадой», закупить советские нефтепродукты возможно дешевле, чтобы использовать их в борьбе со своими конкурентами на мировом рынке. Поэтому в переговорах с Нефтесиндикатом «Ройял Датч-Шелл» предложила крайне низкую цену и выдвинула предложение закупить весь керосин, чтобы Советское государство в течение определенного срока отказалось выходить на внешние рынки.⁶³ Последнее предложение было отвергнуто, и в конце концов 29 марта 1923 г. было достигнуто соглашение о покупке «Ройял Датч-Шелл»

⁵⁹ См.: Известия, 1923, 6 марта.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Times, 4 V 1923.

⁶² См.: ЦГАНХ, ф. 2309, оп. 11, д. 21, лл. 9—11; д. 72, лл. 90—92.

⁶³ ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 11, д. 15, лл. 147—149.

у Нефтесиндиката по нормальным мировым ценам 70 тыс. тонн керосина с правом повысить это количество до 200 тыс. тонн.⁶⁴ При этом англо-голландский трест явно ошибся в расчетах, полагая, что такой закупкой можно «спясть» СССР с мирового нефтяного рынка.⁶⁵

Это по существу означало провал «нефтяной блокады» спустя три-четыре месяца с момента ее организации. Лучшим свидетельством тому был большой рост нефтеэкспорта, превысившего уже в 1924/25 хозяйственном году уровень 1913 г. почти в полтора раза.⁶⁶ Главным фактором успешной борьбы против нефтяной блокады являлась, следовательно, целенаправленная политика, которая показала все преимущество единого многонационального Союза ССР перед разрозненными действиями империалистических нефтяных монополий. И эта борьба привела к полному краху политики «нефтяной блокады» СССР.

Другим острейшим проявлением кризиса в экономических отношениях СССР с капиталистическими странами было резкое ухудшение на рубеже 1922—1923 гг. англо-советских отношений, приведшее в мае 1923 г. к вручению Советскому правительству пресловутого «ультиматума Керзона». Появление ноты Керзона в значительной степени стало возможным благодаря обстановке так называемого экономического разочарования, главной отличительной чертой которого в Англии было недовольство торгово-промышленных кругов результатами договора 1921 г. и исходом переговоров с Уркாரтом. На этой стороне вопроса мы и остановимся подробнее.

Англо-советский договор 16 марта 1921 г. был заключен правительством Ллойд Джорджа в соответствии с концепцией о возможности внутреннего перерождения или «приручения» большевизма посредством торговли с Западом. Введенная в РСФСР почти одновременно с подписанием договора новая экономическая политика, казалось, подтверждала правильность схемы, торговля — «разложение коммунизма» — «реставрация капитализма в России». Но свыше полутора лет действия договора, Гелуга, Гаага и, наконец, эпизод с Уркாரтом показали полную несостоятельность подобных расчетов. Это вызвало глубокое недовольство прежде всего крупного финансово-промышленного капитала, дельцов Сити, подогреваемых бывшими британскими кредиторами и собственниками предприятий в России. «Экономическое разочарование» охватило также довольно значительные слои средних торговцев и промышленников. Причинами этого, помимо краха

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Выше отмечалось, что в 1923/24 хозяйственном году советский нефтеэкспорт составил свыше 711 тыс. тонн, что более чем втрое превосходило продажу «Ройял Датч-Шелл» даже в ее оптимальном варианте.

⁶⁶ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг., стр. 45, 67.

политики так называемого экономического проникновения, были недовольство монополией внешней торговли РСФСР, на основе которой велись дела в Англии, небольшим (ввиду голода, отсутствия платежных средств) объемом советских закупок почти во всех отраслях британской индустрии (кроме угледобывающей) и до некоторой степени ошибки практических работников Внешторга. Относительно последних можно судить по письму морского эксперта СССР при Лондонской торговой делегации Е. А. Беренса в Наркомвнешторг от 27 мая 1923 г. Он считал, например, недостаточно интенсивной работу делегации по установлению контактов и заключению сделок прежде всего с крупными фирмами и основными производителями, которые формировали настроение в торгово-промышленном мире страны. Чаще всего контрагентами «Аркоса» являлись мелкие посредники. В целом же Е. А. Беренс совершенно правильно характеризовал ошибки работников НКВТ как болезнь роста. «Те ошибки, — писал он, — которые в России проходят или незамеченными, или же относятся к разряду домашних недоразумений, здесь, в центре мировой торговли, производили далеко идущие следствия, к числу которых относится и настоящий кризис... Наши „учатся“ торговать, сидя в Сити, на глазах у всех».⁶⁷

Атмосфера «экономического разочарования», сложившаяся в Англии к началу 1923 г., последовательно нагнеталась реакционными консервативными кругами во главе с Керзоном и весьма искусно использовалась ими для подготовки политического конфликта с СССР.

Антисоветская кампания носила явно инспирированный характер, а ее методичность и последовательность позволяют без особого труда разглядеть планомерную подготовку деловых кругов Англии к возможному разрыву англо-советского соглашения 16 марта 1921 г. Приведем ряд примеров в чисто хронологическом порядке, которые вместе составляют довольно полную картину использования сложившейся обстановки реакционными кругами британского империализма.

27 ноября 1922 г. на запрос одного из членов палаты депутатов о том, какие меры по восстановлению дипломатических отношений с Россией предпринимает правительство в целях укрепления коммерческих связей между двумя странами, помощник министра иностранных дел Мак-Нейд ответил, что торговля с РСФСР вовсе не ограничивается из-за отсутствия признания ее де-юре.⁶⁸ 23 ноября 1922 г. в палате депутатов новый премьер-министр Бонар-Лоу заявляет, что главными условиями признания

⁶⁷ ЦГАВМФ, ф. Р-1, оп. 3, д. 2108, лл. 128—129.

⁶⁸ Parliamentary debates. House of Commons. Official Report. 5th Session, London, 1923, vol. 159, col. 255.

Советской России являются реституция или компенсация бывшей собственности, отказ от политической пропаганды, признание долгов.⁶⁹

1 января 1923 г. «Морнинг пост» печатает письма в редакцию с нападками на «Аркос», который якобы является ширмой для коммунистической пропаганды в Англии.⁷⁰

В этом же месяце Л. Б. Красину дается понять, что его стремление встретиться с Керзоном с целью обсуждения вопросов, интересующих обе стороны, не встречает поддержки английского правительства.⁷¹

Тогда же Форин Оффис, несмотря на протесты Торговой делегации РСФСР в Лондоне, последовательно отказывает в выдаче виз целой группе советских работников экономических ведомств, направляющихся в Англию по торговым делам.⁷² В конце января «Морнинг пост» требует взаимного отзыва торговых представителей из Москвы и Лондона ввиду ограниченности торгового оборота между двумя странами.⁷³

В середине февраля Торговая палата Лондона, многие из членов которой являлись контрагентами «Аркоса», отклоняет его заявление о приеме в Палату на том основании, что она «разочарована позицией Советского правительства в отношении долгов британским подданным».⁷⁴ В конце февраля и на протяжении марта—апреля в консервативной печати публикуется серия статей и писем с доказательствами невозможности вести торговлю с Россией, критикой «Аркоса» и т. д.⁷⁵

14 марта на запрос депутата Бакстона по поводу недопущения правительством в Великобританию закупщиков и торговцев, представляющих экономические ведомства СССР, представитель Форин Оффис дает в высшей степени двусмысленный ответ, что «истинные» или «добросовестные» закупщики и торговцы не встречают препятствий для въезда в страну,⁷⁶ намекая тем самым на возможность приезда из Советской России неких лиц, скрывающихся якобы под маской деловых людей, с «подрывными» целями. В тот же день на запрос другого депутата о том, существует ли еще англо-советское торговое соглашение и осуществляется ли оно удовлетворительно, Мак-Нейл ответил, что договор *еще* существует, по, как показывает статистика

⁶⁹ Ibid., col. 674.

⁷⁰ Morning Post, 1 I 1923.

⁷¹ Р. Ф. Карпова. Л. Б. Красин — советский дипломат. М., 1962, стр. 147—148.

⁷² ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1327, д. 96, л. 162.

⁷³ См.: Daily Herald, 27 I 1923.

⁷⁴ Manchester Guardian, 14 II 1923.

⁷⁵ Times, 28 II 1923; Morning Post 2, 6, 9, 13, 16 III 1923; 6, 19 IV 1923.

⁷⁶ Parliamentary debates. House of Commons. Official Report, vol. 161, col. 1526.

товарооборота между двумя странами, является весьма «несовершенным инструментом».⁷⁷

19 марта на предложение депутата Кенворти предпринять шаги для обеспечения нормальных политических и экономических отношений с СССР, как это делается, например, Германией, премьер-министр ответил: «Правительству точно неизвестно о необходимости предпринять любые такие шаги».⁷⁸ В том же месяце, во время прений в палате общин, в речи Мак-Нейла, полной выпадов против Советского правительства, явно проступает тенденция доказать, что торговля между двумя странами «практически находится в состоянии застоя» и что даже восстановление дипломатических отношений не улучшит дела.⁷⁹

9 и 16 апреля в палате общин поднимаются явно провокационные вопросы об отзыве британской миссии из Москвы, на что следуют уклончивые ответы Мак-Нейла, что эти вопросы еще рассматриваются правительством. Аналогичная тема в эти дни занимает и консервативную печать.⁸⁰

11 апреля появляется инспирированное Керзоном обращение Ассоциации британских кредиторов к правительству с предложением отозвать британскую миссию из Москвы и прекратить действие договора 16 марта 1921 г., поскольку «Аркос» вполне справляется с товарообменом между двумя странами. Это предложение было поддержано и русской секцией Лондонской торговой палаты.⁸¹

18 апреля 1923 г. Мак-Нейл заявляет в палате общин, что вопрос о денонсации англо-советского соглашения еще не рассматривается кабинетом, и соглашается с одним из депутатов, что экспорт советской пшеницы «выглядит аморальным» в связи с недавним голодом.⁸²

24 апреля на вопрос либерала капитана Беркли: «Нельзя ли заключить, что товарооборот между СССР и Англией возрастет, если их отношения будут базироваться на более дружественной основе?» — следует решительный ответ министра торговли Ллойд Грима: «Нет, сэр. Мой опыт говорит о том, что пока русское правительство отказывается установить положение, при котором может быть дан кредит, дела могут вестись только на основе платежа наличными».⁸³ 2 и 7 мая в парламенте выдвигаются

⁷⁷ Ibid., cols. 1586, 1588.

⁷⁸ Ibid., col. 2083.

⁷⁹ Ibid., vol. 162, cols. 841—848.

⁸⁰ Ibid., cols. 875, 1654, 1709; Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. М., 1954, стр. 301.

⁸¹ Financial Times, 11 IV 1923.

⁸² Parliamentary debates. House of Commons. Official Report, vol. 162, cols. 1181, 2019, 2020.

⁸³ Ibid., vol. 163, col. 255.

явно инспирированные предложения правительству рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании в Англии советской торговой делегации, представляющей правительство, «лишившее британских подданных в России всех их владений»; о лишении советских представителей дипломатических привилегий, о необходимости обратить внимание на небольшой объем товарообмена между двумя странами и т. д. Представители правительства на это отвечают, что данные соображения приняты во внимание и что кабинет в настоящее время рассматривает весь комплекс этих вопросов.⁸⁴ Наконец, перед самой отправкой британской ноты от 8 мая Ходжсону для вручения Советскому правительству ее содержание было сообщено виднейшим представителям Сити с целью заручиться их поддержкой.⁸⁵

Приведенные факты позволяют судить не только о наличии «экономического разочарования», но и о совершенно сознательном и планомерном его обострении и использовании реакционными кругами британского империализма, готовившего по ряду политических соображений конфликт с СССР. Следует отметить, что Керзон и его соратники добились значительных успехов в обработке общественного мнения довольно широких слоев торгово-промышленного мира Великобритании. Конечно, некоторая часть английской буржуазии предостерегала от далеко идущих шагов в направлении обострения отношений с Советским государством. Ее взгляды отражала газета «Манчестер гардиан».⁸⁶ Однако трезвые голоса части деловых кругов заглушались воинственными предложениями консервативной прессы, сумевшей убедить большинство в том, что торговля с СССР мало пострадает от денонсации договора 16 марта 1921 г. и отозвания официальных представительств. При этом газеты ссылались на пример Франции и США, торговля которых с СССР обходилась без соглашений и полномочных представительств, и утверждали, что «Аркос» вполне справится с торговыми операциями между двумя странами.⁸⁷

«Экономическое разочарование» английской буржуазии создало, таким образом, соответствующую обстановку для обострения отношений с СССР, предпринятого затем в мае 1923 г. британским консервативным правительством.

⁸⁴ Ibid., cols. 1341, 1342, 1895—1896.

⁸⁵ Об этом сообщил в советскую торговую делегацию глава фирмы «Бэкос» Ф. Маршалл, выступавший против разрыва политических и экономических отношений с СССР (ЦАМВТ, ф. 1, оп. 1327, д. 56, л. 101).

⁸⁶ В номере от 7 мая 1923 г. ею отмечалось: «Нет никаких оснований наносить ущерб британской торговле, разрывая торговое соглашение и возвращаясь к блокаде России. Это торговое соглашение не оправдало всех возлагавшихся на него надежд, но все же кое-что дало. Через несколько лет Россия будет в состоянии возобновить экспорт зерна, в чем мы нуждаемся так же, как и она» (Manchester Guardian, 7 V 1923).

⁸⁷ См. цитировавшееся письмо Е. А. Беренса (ЦГАВМФ, ф. Р-1, оп. 3, д. 2108, л. 130).

История англо-советского конфликта, вызванного «ультиматумом Керзона», достаточно полно изложена в работах ряда советских авторов.⁸⁸ Главными причинами урегулирования конфликта, отмечаемыми советскими историками, были: твердая, но вместе с тем гибкая и миролюбивая политика СССР, отвергнувшего ультиматум как способ разрешения спорных вопросов, но согласившегося пойти на ряд уступок ради нормализации отношений между двумя странами; широкий протест рабочего класса и Коммунистической партии Англии против антисоветской политики консерваторов; выступление против разрыва торгового договора лейбористов и части деловых кругов. Недостаточное внимание, однако, уделено до сих пор изучению тактики воздействия на торгово-промышленные круги, которая была применена советскими представителями в Англии после образования СССР и способствовала постепенному осознанию деловым миром необходимости предотвратить разрыв торгового соглашения 16 марта 1921 г. Это обстоятельство, также содействовавшее урегулированию англо-советского конфликта, заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Вскоре после получения «ноты Керзона» Советское правительство направило в Англию для принятия всех мер к ликвидации конфликта Л. Б. Красина. Выбор кандидатуры последнего определялся не только его дипломатическими талантами и связями, но также и его авторитетом крупнейшего деятеля Советской России в области экономики на посту наркома внешней торговли. Образование СССР и успехи, достигнутые в восстановлении народного хозяйства, позволили Красину выступить с прочных позиций. В интервью корреспонденту «Роста», опубликованном незадолго до вылета Красина в Лондон, он рассеял всякие заблуждения относительно того, что торговля между двумя государствами будет вестись через «Аркус» после разрыва отношений де-факто и денонсации договора 16 марта 1921 г. «Мы теряем интерес к английскому рынку, — заявил Красин, — и вынуждены будем организовать наши закупки и продажи нашего экспортного сырья в других европейских пунктах». При этом он отметил, что правительство поручило ему в случае разрыва отношений ликвидировать весь торговый аппарат СССР в Великобритании. В этих же целях вместе с ним в Лондон направлялись директор «Аркуса» Ю. А. Грожан и руководитель «Северолеса» (крупнейшего контрагента английских импортных и брокерских лесоторговых обществ) С. Либер-

⁸⁸ См.: Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах, стр. 421—448; Р. Ф. Карпова. Л. Б. Красин — советский дипломат, стр. 147—153; Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства, стр. 299—322 и др.

ман.⁸⁹ Аналогичное заявление было сделано Красиным и в Англии, куда он прибыл вечером 14 мая 1923 г. В этом заявлении, кроме того, внимание деловых кругов страны было обращено на хорошие перспективы экспорта зерна в ближайшее время, который стал возможным вследствие хозяйственного и политического укрепления Советского государства после образования СССР.⁹⁰

В первые же дни пребывания в Лондоне Красин начал переговоры с некоторыми крупнейшими английскими фирмами о значительных поставках советских экспортных товаров.⁹¹ Несколько дней спустя в печати появилось интервью заместителя представителя РСФСР в Великобритании Я. А. Берзина о советско-английских торговых отношениях. Берзин еще раз решительно подчеркнул, что «разрыв торгового соглашения означал бы конец всей торговли между Британией и Россией», и с полной определенностью довел также до сведения деловых кругов, что ни через «Аркос», ни через страны-посредники коммерческие отношения между двумя странами поддерживаться не будут. Берзин привел данные об объеме англо-советской торговли, отметив при этом, что общая тенденция как раз говорит о его быстром возрастании от месяца к месяцу и опровергает домыслы ряда газет относительно того, что России «нечем платить». Он подтвердил также намерение Внешторга увеличить в 1923 г. экспорт зерна и леса.⁹² Заявления советских представителей полностью соответствовали реальным фактам. Действительно, хотя торговый оборот между двумя странами еще сильно отставал от довоенного, он возрастал, и очень быстро.⁹³ Ухудшение англо-советских отношений накануне и в период конфликта тотчас же отразилось на состоянии торговли между двумя странами и привело к ее сокращению. Так, если в октябре—декабре 1922 г. доля Англии составляла 39% всего экспорта Советской России, то в январе—марте она снизилась до 10,8%, а в апреле—июне — до 8,5%. Импорт из Англии в СССР оценивался за октябрь—декабрь 1922 г. в 13,5 млн руб., за январь—март уже только в 5,6 млн и за апрель—июнь — в 7,7 млн руб.⁹⁴

⁸⁹ Известия, 1923, 12 мая.

⁹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. VI. М., 1962, стр. 309—311.

⁹¹ См.: Р. Ф. Карпова. Л. Б. Красин — советский дипломат, стр. 152.

⁹² Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 320—321.

⁹³ По данным НКВТ, оборот между двумя странами выражался (по стоимости) следующими цифрами: в 1920 г. — 2,8 млн ф. ст., в 1921 г. — 9,1 млн, в 1922 г. — 15,3 млн ф. ст. (ЦАМВТ, ф. 15, оп. 6, д. 66, л. 1). Данные английской статистики хотя и несколько отличались от вышеприведенных, также показывали резкое возрастание оборота: в 1921 г. — 4,8 млн ф. ст., в 1922 г. — 11,7 млн ф. ст. (Statesmen's Yearbook. London, 1925, p. 1259).

⁹⁴ Внешняя торговля СССР (за 1923 год). Сборник. М., 1924, стр. 230—231, 244—245.

Заявления Красина и Берзина, подчеркнувших рост англо-советской торговли, ее хорошие перспективы и предупредивших, что денонсация договора приведет к ее полному прекращению, оказали влияние на торгово-промышленные круги страны. Произошел явный сдвиг в сознании широких слоев делового мира в сторону сохранения договора 16 марта 1921 г. как базы для дальнейшего развития коммерческих отношений с СССР. Хорошей иллюстрацией этого служат результаты опроса, проведенного газетой «Манчестер гардиан» среди представителей английской промышленности и торговли по вопросу о возможных последствиях разрыва торгового договора. Хотя многие представители деловых кругов еще продолжали считать, что англо-русская торговля не прекратится и после денонсации договора или что потеря русских заказов не нанесет большого ущерба, большинство опрошенных высказалось в пользу его сохранения. Против разрыва договора энергично высказались ливерпульские торговцы хлопком, многие химические фирмы, текстильные фабрики Ланкашира и Йоркшира, представители экспортного объединения «Бэкос» и т. д.⁹⁵

Таким образом, известные перемены в настроении деловых кругов, произошедшие в период кризиса, вызванного «потой Керзона», наряду с другими обстоятельствами, среди которых было укрепление политических и экономических позиций Советской власти в результате образования СССР, способствовали урегулированию англо-советского конфликта. Весьма крупную роль в переломе настроений британских торгово-промышленных кругов по отношению к Советскому Союзу сыграла поездка в Москву делегации английских финансистов и промышленников, директоров экспортной фирмы «Бэкос», обслуживавшей около 100 предприятий Англии с общим акционерным капиталом в 50 млн ф. ст.⁹⁶ Поездка была согласована в переписке между директором «Бэкоса» А. Г. Маршаллом и Л. Б. Красиным в июне 1923 г.⁹⁷ В августе 1923 г. делегация, возглавляемая двоюродным братом премьер-министра Ф. Л. Болдуином, в составе десяти директоров «Бэкоса», являвшихся одновременно представителями крупнейших английских фирм, прибыла в Советский Союз. Ее целью было изучение возможностей торговли и деловых отношений с СССР. По словам участников поездки, членам делегации была предоставлена полная возможность получить любую информацию. Они, кроме того, встретились почти со всеми народными комиссарами, предоставившими в распоряже-

⁹⁵ Manchester Guardian Commercial, 17, 24 V 1923; ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1327, д. 56, лл. 165—176.

⁹⁶ Эта роль специально отмечалась в отчете Наркоминдела II съезду Советов СССР. См.: Годовой отчет за 1923 год к II Съезду Советов. М., 1924, стр. 105.

⁹⁷ См.: ЦАМБТ, ф. 1, оп. 1326, д. 3, л. 95—96, 98.

ние английской делегации исчерпывающие разъяснения и материалы по интересующим ее экономическим вопросам.⁹⁸ По возвращении на родину члены делегации сделали 3 ноября отчет в Сити о своей поездке и дали интервью многочисленным корреспондентам. Общие впечатления представителей «Бэкоса» были самыми благоприятными. Они констатировали быстрое восстановление всех отраслей народного хозяйства после образования СССР, укрепление его финансов, возрастающую роль внешней торговли. «Члены делегации, — говорилось в заявлении печати, — вернулись домой полностью убежденными, что ... имеются большие возможности для британской торговли в России... Оба государства могут работать рука об руку в соответствии с интересами своих народов».⁹⁹ Выводы английской делегации о возможности равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Великобританией несомненно оказали воздействие на деловые круги Англии. Достаточно отметить, что отчет «Бэкоса» и интервью с членами его делегации были опубликованы, по свидетельству корреспондента «Роста», сорока лондонскими и провинциальными газетами, многие из которых сопроводили эти материалы передовыми статьями или комментарием о необходимости решительно усилить экономические отношения с СССР.¹⁰⁰

1923 г. внес также много нового в практику торговли и кооперационных отношений между двумя странами. Хотя конфликт, вызванный «ультиматумом Керзона», на некоторое время резко сократил коммерческие отношения двух государств и привел даже к незначительному уменьшению торгового оборота между ними (15.1 млн ф. ст. в 1923 г. против 15.3 млн ф. ст. в 1922 г.), в 1923 г. были заложены хорошие основы для его увеличения в следующем году более чем в 2 раза (34.2 млн ф. ст.).¹⁰¹

Образование СССР и связанное с этим актом политическое и хозяйственное укрепление Советского государства не прошли бесследно и для экономических отношений между ним и другими странами Запада. Большое значение для ознакомления деловых кругов капиталистических стран с действительным положением экономики СССР и его возможностями как партнера в хозяйственной области имела Первая Всесоюзная сельскохозяйствен-

⁹⁸ См. интервью Болдуина и Маршалла корреспонденту «Морнинг пост» (Morning Post, 4 IX 1923).

⁹⁹ См.: Morning Post, 4 IX 1923; Times 3, 4 IX 1923. Несколько позднее, в ноябре 1923 г., один из руководителей делегации опубликовал меморандум «Англо-русская торговля и ее возможности», в котором высказывался в интересах развития экономических отношений с СССР за предоставление ему кредитов и признание де-юре. См.: Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства, стр. 335—336.

¹⁰⁰ ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 28, л. 93.

¹⁰¹ ЦГАНХ, ф. 413, оп. 19, д. 85, л. 121.

ная и кустарно-промышленная выставка в Москве (15 августа—21 октября 1923 г.). Она стала весьма важным фактором для окончательного преодоления недоверия капиталистических кругов Запада к возможности деловых отношений с СССР и совпала с началом нового этапа в их взаимоотношениях, основным содержанием которого было постепенное признание буржуазными государствами равноправия двух экономических систем собственности как единственно возможной почвы для хозяйственного обмена между ними.¹⁰² Одной из задач Всесоюзной выставки, помимо демонстрации достижений народного хозяйства всех республик, только что объединившихся в Союз ССР, было «установление связи с иностранными рынками».¹⁰³ При главном комитете, созданном для подготовки выставки, был организован иностранный отдел, который имел свои заграничные представительства в 18 капиталистических государствах.¹⁰⁴ Они распространяли информацию и материалы о предстоящей выставке в Москве, рассылали приглашения многочисленным фирмам и объединениям, вели переговоры с ними. Работе иностранного отдела Всесоюзной выставки активно помогали НКВТ и Наркоминдел. В апреле 1923 г. Л. Б. Красин специальным циркуляром обязал торгпредов СССР за границей оказывать содействие в транспортировке экспонатов иностранных фирм в Москву, а в июне М. М. Литвинов направил полномочным представителям распоряжение, предлагавшее предельно упростить порядок выдачи въездных виз иностранным гражданам, отправляющимся на выставку.¹⁰⁵ В иностранном отделе выставки всего приняла участие 401 фирма из 20 капиталистических государств.¹⁰⁶

Во время работы выставки и после ее закрытия иностранный отдел зарегистрировал 456 сделок по продаже фирмами-экспонентами своих изделий советским организациям.¹⁰⁷ Однако главное значение для развития экономических отношений между СССР и капиталистическим миром имели не эти конкретные сделки, а то глубокое впечатление, которое произвела выставка на ее иностранных участников и многочисленные делегации из

¹⁰² См.: Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам внешней политики, стр. 253—256, 265; Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 496—498.

¹⁰³ Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка с иностранным отделом. Материалы и документы. Вып. 2. М., 1923, стр. 17.

¹⁰⁴ ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 106, л. 4; д. 94, л. 10.

¹⁰⁵ Там же, д. 18, л. 5; д. 37, л. 45.

¹⁰⁶ Справка иностранного отдела выставки от 2 сентября 1923 г. (ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 37, л. 360); Внешняя торговля, 1923, № 33—34, стр. 31.

¹⁰⁷ ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 436, лл. 1—142 (торгово-регистрационная книга иностранного отдела выставки).

разных стран,¹⁰⁸ убедившихся в бурном подъеме всех отраслей народного хозяйства Союза ССР. Отзывы деловых людей Запада, политических деятелей и корреспондентов отражали почти единодушное удивление успехами, достигнутыми Советским Союзом в столь короткий срок, и отмечали растущее значение СССР в международном разделении труда. Сенатор М. Лафаллет (США) заявил, например, что «выставка машин явилась для него полной неожиданностью. Она могла бы произвести самое благоприятное впечатление на любой из выставок США». Он отметил также «ее совершенно исключительное значение» в деле возобновления экономических отношений между СССР и США.¹⁰⁹ Журналистка Анна Луиза Стронг в статье «На московской выставке» писала: «Я посетила ее около 12 раз. Это нечто гениальное... Что больше всего поражает иностранцев — это громадное количество предметов, произведенных правительственными фабриками... И в отношении строительства происходит то же самое; это-то больше всего и поражает иностранцев, не предполагавших, что Россия так быстро сумеет восстановить свою промышленность».¹¹⁰ Аналогичные отчеты о выставке поместили немецкие и американские газеты.¹¹¹ Познакомившийся с выставкой незадолго до ее открытия бирмингемский фабрикант Форд заявил представителям английской печати, что Россия сделала значительные успехи в восстановлении своей экономики. Он выразил готовность вести дела с советскими организациями на основе кредита и сообщил, что уже заключил сделку в России, открыл текущий счет в Госбанке и «не чувствует никакого беспокойства относительно безопасности своих капиталов».¹¹²

Преодоление кризиса в экономических отношениях с капиталистическими странами, самым тесным образом связанное с образованием Союза ССР и вызванным этим актом политическим и хозяйственным укреплением Советского государства, нашло убедительное проявление и в статистике внешней торговли. Если сравнить полугодие, которое отмечено наибольшим взрывом «экономического разочарования», совпавшее по времени с решающими шагами по объединению советских республик в Союз ССР (октябрь 1922—март 1923 г.), с последующим полугодием, когда новое союзное государство выступило на международной арене уже как единое целое, то получается отчетливое

¹⁰⁸ Только с 20 августа по 20 сентября выставку посетило 411 деловых людей из 21 страны, в том числе 107 человек из Германии (Внешняя торговля, 1923, № 37—38, стр. 28).

¹⁰⁹ Накапуне, 1923, 11 октября; ЦГАНХ, ф. 480, оп. 7, д. 94, л. 160.

¹¹⁰ Накапуне, 1923, 12 октября.

¹¹¹ См.: Deutsche Allgemeine Zeitung, 10 IX 1923; Jurnal of commerce, 15 X 1923; Внешняя торговля, 1923, № 37—38, стр. 10.

¹¹² Birmingham Post, 13 VIII 1923.

представление о переломном моменте в развитии экономических отношений социалистического и капиталистических государств. Во втором полугодии импорт СССР (по стоимости) показал значительное увеличение по сравнению с первым полугодием из 9 капиталистических стран (всего учитывалось 14 государств), а экспорт при том же количестве стран возрос в 11 из них.¹¹³ Эта тенденция к укреплению взаимовыгодных хозяйственных связей с капиталистическим миром, выявившаяся после объединения советских республик в единый Союз ССР, продолжала развиваться и дальше и во многом предопределила юридическое признание СССР большинством капиталистических стран уже в следующем, 1924 году. Такие серьезные успехи на международной арене едва ли могли быть достигнуты в столь короткий срок без объединения всех советских республик в Союз ССР и передачи благодаря этому в ведение его верховных органов основных функций, связанных с представительством интересов союзного государства в мировой политике. Это обстоятельство специально отмечалось в докладе Наркомвнешторга СССР о работе за 1922—1924 гг., подготовленном для Совета Народных Комиссаров к XIII съезду РКП(б). В нем, в частности, говорилось: «Результаты такого единства фронта общеполитического и фронта торгового — налицо. Полный прорыв блокады, укрепление международных связей Советского Союза и признание его капиталистическим миром — все эти факты единодушно свидетельствуют об успешности дипломатической и внешнеторговой линии Советской политики».¹¹⁴

¹¹³ Внешняя торговля СССР (за 1923 год). М., 1924, стр. 230—231, 244—245.

¹¹⁴ Доклад Наркомвнешторга СССР в СНК о работе за 1922—1924 гг. (к 13-му партсъезду). ЦГАНХ, ф. 413, оп. 1, д. 426, л. 327.